

УДК 81.00

ББК Ш141.01.2973

Д181

В. П. Даниленко

Иркутск, Россия

КАТЕГОРИАЛЬНАЯ ТОСКА

В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ А. П. ЧЕХОВА

Статья посвящена анализу духовно-культурных воззрений А. П. Чехова. Для этих воззрений характерна тоска по категориям неверия (религия), истины (наука), прекрасного (искусство), добра (нравственность), справедливости (политика) и единения (язык).

Ключевые слова: А. П. Чехов, духовная культура, религия, наука, искусство, нравственность, политика, язык.

V. P. Danilenko

Irkutsk, Russia

THE CATEGORIAL GRIEF

IN A.P.CHEKHOV'S LIFE AND CREATIVITY

This article is dedicated to the analysis of A.P.Chekhov's spiritual-cultural views. They can be characterized by the grief in relation to atheism (religion), the truth (science), the beautiful (art), kindness (ethics), justice (policy) and unity (language).

Key words: A. P. Chekhov, spiritual culture, religion, science, art, morality, policy, language.

Хорош Божий свет. Одно только нехорошо: мы.

А. П. Чехов

Как я буду лежать в могиле один, так, в сущности, я и живу один.

А. П. Чехов

Разные люди в разной мере становятся людьми. Многие из них, например, в области религии и до сих пор живут в далёком прошлом. Но есть люди, которые в своём очеловечении ушли намного дальше других. В сфере культурной эволюции они принадлежат не прошлому, а будущему. В своём духовно-культурном развитии они опережают многих других на несколько столетий. Таким был Антон Павлович Чехов (1860–1904).

С каким же чувством смотрят на окружающих люди, подобные А. П. Чехову? С чувством тоски по преимуществу. Они живут с тоской по настоящим людям – людям, способным иметь в своей душе высокие идеалы – истины прекрасного, добра, справедливости и т. п. категории. Такую тоску можно обозначить как категориальную.

Категориальная тоска – весьма характерная черта русских писателей. Её можно найти у А. С. Пушкина и Ф. И. Тютчева, М. Е. Салтыкова-Щедрина и Л. Н. Толстого и др. Но А. П. Чехов выделяется даже и среди них: категориальную тоску он переживал, пожалуй, мучительнее всех других наших классиков.

Не объять литературы об А. П. Чехове. Не объять и необъятное художественное наследие великого писателя. Я выделю в этой статье лишь некоторые категории, по которым тосковал А. П. Чехов в области религии, науки, искусства, нравственности, политики и языка.

РЕЛИГИЯ

В области религии А. П. Чехов тосковал по атеизму. Эта тоска возникла у него в детские годы. Его родители стремились привить всем своим детям строгую религиозность. Но делали они это так неистово, что привили им отвращение к ней.

9 марта 1892 г. А. П. Чехов писал И. Л. Леонтьеву (Щеглову): «Я получил в детстве религиозное образование и такое же воспитание – с церковным пением, с чтением апостола и кафизм в церкви, с исправным посещением утрени, с обязанностью помогать в алтаре и звонить на колокольне. И что же? Когда я теперь вспоминаю о своём детстве, то оно представляется мне довольно мрачным; религии у меня теперь нет. Знаете, когда бывало я и два мои брата среди церкви пели трио «Да исправится» или же «Архангельский глас», на нас смотрели с умилением и завидовали моим родителям, мы же в это время чувствовали себя маленькими каторжанами. Да, милый! Рачинского (поборника религиозного воспитания детей – *В. Д.*) я понимаю, но детей, которые учатся у него, я не знаю. Их души для меня потёмки. Если в их душах радость, то они счастливее меня и братьев, у которых детство было страданием» [Ермилов, 1949, с. 14–15].

НАУКА

В области науки А. П. Чехов тосковал по истине. Он стал активно приближаться к ней на медицинском факультете Московского университета (1880–1884), где он учился у выдающихся учёных того времени – И. В. Склифосовского, Н. Ф. Филатова, С. С. Корсакова, Г. А. Захарьина, А. А. Остроумова, А. И. Бабухина и др.

Особенно сильно А. П. Чехову понравился Климент Аркадьевич Тимирязев. Он писал о нём: «Тимирязев, человек, которого... я очень уважаю и люблю» [Бердников, 1997, с. 69].

К. А. Тимирязев, как известно, был неистовым пропагандистом учения Ч. Дарвина. Очевидно, в первую очередь под его влиянием А. П. Чехов стал дарвинистом.

Писательская карьера двадцатилетнего первокурсника Антона Чехова началась с высмеивания дикого невежества вообще и дремучего антидарвинизма в частности. В его первом напечатанном рассказе – «Письмо к учёному соседу» –

урядник Василий Семи-Булатов приводит «убийственные» аргументы против происхождения человека от обезьяны.

Урядник пишет к учёному соседу: «...если бы человек, властитель мира, умнейшее из дыхательных существ, происходил от глупой и невежественной обезьяны, то у него был бы хвост и дикий голос. Если бы мы происходили от обезьян, то нас теперь водили бы по городам Цыганы на показ и мы платили бы деньги за показ друг друга, танцуя по приказу Цыгана или сидя за решёткой в зверинце. Разве мы покрыты кругом шерстью? Разве мы не носим одеяний, коих лишены обезьяны? Разве мы любили бы и не презирали бы женщину, если бы от неё хоть немножко пахло бы обезьяной, которую мы каждый вторник видим у Предводителя Дворянства?» [Чехов, 1970, т. 1, с. 185].

На четвёртом курсе А. П. Чехов стал работать над темой «История полового авторитета», в которой он исходил из эволюционного учения Ч. Дарвина.

Начинающий исследователь Антон Чехов пришёл к выводу, что половой авторитет – результат эволюции животного царства. Но он высказал предположение, что в ходе дальнейшей эволюции между полами наступит равенство. Он писал: «Сама природа не терпит неравенства. Она исправляет своё отступление от правила, сделанное по необходимости... при удобном случае. Стремясь к совершенному организму, она не видит необходимости в неравенстве, в авторитете, и будет время, когда он будет равен нулю» [Бердников, 1997, с. 70–71].

По окончании университета в 1884 г. А. П. Чехов совмещал писательство с врачеванием. Его однокашник по университету Г. И. Россолимо вспоминал о Чехове-враче: «Он любил давать врачебные советы и следил за научной и практической медициной по периодической литературе. Отношение его к больным отличалось трогательной заботливостью и мягкостью: видно было, что в нём, враче, человеческое достигало высокой степени, что способность сострадать, переживать вместе с больным его страдания была присуща не только ему как человеку, но ещё более как врачу-человеку» [Там же. С. 69].

В конце 80-х гг. А. П. Чехов вынужден был отказаться от врачебной практики, однако при необходимости он продолжал оказывать бесплатную меди-

цинскую помощь тем, кто в ней нуждался. Работа врача дала ему богатейший материал для его писательского призвания. Он писал: «Не сомневаюсь, занятия медицинскими науками имели серьезное влияние на мою литературную деятельность; они значительно раздвинули область моих наблюдений, обогатили меня знаниями, истинную цену которых для меня, как для писателя, может понять только тот, кто сам врач; они имели также и направляющее влияние» [Там же. С. 74].

Писательская деятельность не позволила А. П. Чехову продолжить научную работу. Однако интерес к научным занятиям он сохранил на всю жизнь. Наибольшим вкладом в науку он считал свою книгу «Остров Сахалин» (1895). К поездке на Сахалин в 1890 г. её автор готовился с научной дотошностью. Он писал: «Целый день сижу, читаю и делаю выписки... Умопомешательство: “Mania Sachalinosa”... Приходится быть и геологом, и метеорологом, и этнографом» [Ермилов, 1949, с. 229].

Об отношении А. П. Чехова к науке очень красноречиво свидетельствуют слова его героя – профессора Николая Степановича из «Скучной истории». Вот они: «Как двадцать–тридцать лет назад, так и теперь, перед смертью, меня интересует одна только наука. Испуская последний вздох, я всё-таки буду верить, что наука – самое важное, самое прекрасное и нужное в жизни человека, что она всегда была и будет высшим проявлением любви и что только ею одною человек победит природу и себя» [Чехов, 1970, т. 4, с. 287].

Мы слышим здесь голос убеждённого сциентиста. В какой-то мере сциентистом был и автор «Скучной истории». Во всяком случае, в преобразующую силу научно-технического прогресса он верил больше, чем в силу нравственного совершенствования. Этим объясняются такие его слова о толстовстве (1894): «Толстовская мораль перестала меня трогать, в глубине души я отношусь к ней недружелюбно... Во мне течёт мужицкая кровь, и меня не удивишь мужицкими добродетелями. Я с детства уверовал в прогресс... расчётливость и справедливость говорят мне, что в электричестве и паре любви к человеку больше, чем в целомудрии и воздержании от мяса» [Ермилов, 1949, с. 286].

После приведённых слов В. В. Ермилов пишет: «Антон Павлович жадно следил за успехами науки, сочувствовал всему передовому в её развитии. Он с наслаждением изучал Дарвина (“Какая прелесть!” – восклицал он о трудах Дарвина). Всевозможные реакционные “походы” против науки и прогресса встречали у него самое суровое осуждение» [Там же].

Что же касается науки и искусства, то их культурное значение А. П. Чехов расценивал на равных. Он не проводил между ними резкой границы. Он выступал за их содружество: «Я хочу, чтобы люди не видели войны там, где её нет. Знания всегда пребывали в мире. И анатомия, и изящная словесность имеют одинаково знатное происхождение, одни и те же цели, одного и того же врага – чёрта, и воевать им положительно не из-за чего. Борьбы за существование у них нет. Если человек знает учение о кровообращении, то он богат: если к тому же выучивает ещё историю религии и романс "Я помню чудное мгновенье", то становится не беднее, а богаче, – стало быть, мы имеем дело только с плюсами. Потому-то гении никогда не воевали, и в Гёте рядом с поэтом прекрасно уживался естественник» [Бердников, 1997, с. 74].

А. П. Чехов ушёл из науки, но всю жизнь он благоговел перед научной истиной. Она доступна, с его точки зрения, только материалисту. Материализм оказывал на него «направляющее влияние». Он утверждал: «Вне материи нет ни опыта, ни знаний, значит, нет и истины» [Там же].

ИСКУССТВО

В области искусства А. П. Чехов тосковал по прекрасному. Но категорию прекрасного нелегко совместить с реализмом.

26 октября 1886 г. А. П. Чехов отправил рассказ «Тина» своей близкой знакомой М. В. Киселёвой. В этом рассказе изображена двадцатисемилетняя еврейка Сусанна Моисеевна, богатая и развратная. Ответ от М. В. Киселёвой пришёл только в конце года.

М. В. Киселёва в своём письме к А. П. Чехову, в частности, писала: «Присланный Вами фельетон мне совсем не нравится, хотя я убеждена, что к моему

мнению присоединятся весьма и весьма немногие. Написан он хорошо, читающие мужчины пожалеют, что судьба не натолкнула их на подобную Сусанну, которая сумела бы распотешить их разнузданность, женщины втайне позавидуют ей, но большая часть публики прочтёт с интересом и скажет: "Бойко пишет этот Чехов, молодец!" Может быть, Вас удовлетворяют 115 руб. и эти отзывы, но мне лично досадно, что писатель *Вашего сорта*, то есть необделённый от Бога, – показывает мне только одну "навозную кучу". Грязью, негодьями, негодяйками кишит мир, и впечатления, производимые ими, не новы, но зато с какой благодарностью относишься к тому писателю, который, проведя Вас через всю вонь навозной кучи, вдруг вытащит оттуда жемчужное зерно, – зачем же тогда одна куча? Дайте мне зерно, чтобы в моей памяти стусебалась вся грязь обстановки, от Вас я вправе требовать этого, а других, не умеющих отстоять и найти человека между четвероногими животными – я и читать не стану» [Бунин, 1967, с. 177].

А. П. Чехов ответил М. В. Киселёвой через три недели. Он писал: «У меня и у Вас, и у критиков всего мира нет никаких прочных данных, чтобы иметь право отрицать эту литературу. Я не знаю, кто прав, Гомер, Шекспир, Лопе-де-Вега, вообще древние, не боявшиеся рыться в "навозной куче", но бывшие гораздо устойчивее нас в нравственном отношении, или же современные писатели, чопорные на бумаге, но холодно-циничные в душе и в жизни? Я не знаю, у кого плохой вкус: у греков ли, которые не стыдились воспевать любовь такой, какова она есть на самом деле в прекрасной природе, или же у читателей Габорио, Марлитта, Пьера Бобо (П. Д. Боборыкина). Ссылка на Тургенева и Толстого, избегавших "навозную кучу", не проясняет этого вопроса. Их брезгливость ничего не доказывает: ведь было же раньше их поколение писателей, считавших грязью не только "негодяев с негодяйками", но даже описание мужиков и чиновников ниже титулярного... Художественная литература потому и называется художественной, что рисует жизнь такую, какова она есть на самом деле. Её назначение – правда безусловная и честная. Суживать её функции такой специальностью, как добывание зёрен, так же для неё смертельно, как если бы

Вы заставили Левитана рисовать дерево, приказав ему не трогать грязной коры и пожелтевшей листвы... Для химиков нет ничего на земле нечистого. Литератор должен быть так же объективен, как химик; он должен отрешиться от житейской субъективности и знать, что навозные кучи в пейзаже играют очень почтенную роль, а злые страсти так же присущи жизни, как и добрые» [Там же. С. 178].

Автор приведённых слов не изменял в своих произведениях правде жизни никогда. Более того, он стремился в них, по его собственному выражению, к «объективности сплошной» [Бердников, 1997, с. 151]. Вот почему авторское присутствие в них нередко трудно обнаружить. Вот почему в письме к брату Александру он писал о том, что «субъективность – ужасная вещь» [Там же. С. 141]. Вот почему свои заветные мысли он, как правило, передавал своим героям.

Но реализм А. П. Чехова не был беспросветным. Сквозь призму его произведений виден свет в конце туннеля. В них есть зёрна прекрасного. В них есть тоска по прекрасной жизни. О ней мечтают некоторые его герои. Вспомним хотя слова Петра Трофимова из «Вишнёвого сада».

Вот эти слова: «Вся Россия – наш сад. Земля велика и прекрасна, есть на ней много чудесных мест» [Чехов, 1970, т. 7, с. 346].

Чтобы в России стало таких чудесных мест больше, рассуждает Трофимов, надо работать. Он говорит Лопахину: «Человечество идёт вперед, совершенствуя свои силы. Всё, что недостижимо для него теперь, когда-нибудь станет близким, понятным, только вот надо работать, помогать всеми силами тем, кто ищет истину. У нас, в России, работают пока очень немногие. Громадное большинство той интеллигенции, какую я знаю, ничего не ищет, ничего не делает и к труду пока не способно. Называют себя интеллигенцией, а прислуге говорят "ты", с мужиками обращаются как с животными, учатся плохо, серьёзно ничего не читают, ровно ничего не делают, о науках только говорят, в искусстве понимают мало. Все серьёзны, у всех строгие лица, все говорят только о важном, философствуют... И, очевидно, все хорошие разговоры у нас для того только,

чтобы отвести глаза себе и другим... Есть только грязь, пошлость, азиатчина» [Там же. С. 342].

Эти мысли очень близки самому автору «Вишнёвого сада». А. М. Горький писал об А. П. Чехове: «Я не видел человека, который чувствовал бы значение труда, как основания культуры, так глубоко и всесторонне, как А. П. Это выразилось у него во всех мелочах домашнего обихода, в подборе вещей и в той благородной любви к вещам, которая, совершенно исключая стремление накапливать их, не устаёт любоваться ими как продуктом творчества дела человеческого. Он любил строить, разводить сады, украшать землю, он чувствовал, поэзию труда. С какой трогательной заботой наблюдал, он, как в саду его растут посаженные им плодовые деревья и декоративные кустарники! В хлопотах о постройке дома в Аутке он говорил: “Если каждый человек на куске земли своей сделал бы всё, что он может, как прекрасна была бы земля наша”» [Горький, 1979, с. 346].

НРАВСТВЕННОСТЬ

В области нравственности А. П. Чехов тосковал по добру. Категория добра, как известно, охватывает все добродетели. Какие же добродетели А. П. Чехов выдвинул на первый план ещё в молодости?

В письме к брату Николаю в марте 1886 г. двадцатилетний Антон Чехов сформулировал свой моральный кодекс. В нём всего восемь пунктов:

«Воспитанные люди, по моему мнению, должны удовлетворять следующим условиям:

1. Они уважают человеческую личность, а потому всегда снисходительны, мягки, вежливы, уступчивы... Они не бунтуют из-за молотка или пропавшей резинки; живя с кем-нибудь, они не делают из этого одолжения, а уходя, не говорят: с вами жить нельзя! Они прощают и шум, и холод, и пережаренное мясо, и остроты, и присутствие в их жильё посторонних...

2. Они сострадательны не к одним только нищим и кошкам. Они болеют душой и от того, чего не увидишь простым глазом...

3. Они уважают чужую собственность, а потому и платят долги.

4. Они чистосердечны и боятся лжи, как огня. Не лгут они даже в пустяках. Ложь оскорбительна для слушателя и опошляет в его глазах говорящего. Они не рисуются, держат себя на улице так же, как дома, не пускают пыли в глаза меньшей братии... Они не болтливы и не лезут с откровенностями, когда их не спрашивают... Из уважения к чужим ушам, они чаще молчат.

5. Они не унижают себя с тою целью, чтобы вызвать в другом сочувствие. Они не играют на струнах чужих душ, чтоб в ответ им вздохали и нянчились с ними. Они не говорят: «Меня не понимают!»...

6. Они не суетны... Делая на грош, они не носятся со своей папкой на сто рублей и не хвастают тем, что их пустили туда, куда других не пустили... Истинные таланты всегда сидят в потёмках, в толпе, подальше от выставки... Даже Крылов сказал, что пустую бочку слышнее, чем полную...

7. Если они имеют в себе талант, то уважают его. Они жертвуют для него покоем, женщинами, вином, суетой... Они горды своим талантом. Так, они не пьянствуют с надзирателями мещанского училища и с гостями Скворцова, сознавая, что они призваны не жить с ними, а воспитывающе влиять на них. К тому же они брезгливы...

8. Они воспитывают в себе эстетику. Они не могут уснуть в одежде, видеть на стене щели с клопами, дышать дрянным воздухом, шагать по оплеванному полу, питаться из керосинки. Они стараются возможно укротить и облагородить половой инстинкт... Им нужны от женщины не постель ... им нужны свежесть, изящество, человечность, способность быть... матерью... Они не трескают походя водку, не нюхают шкафов, ибо они знают, что они не свиньи. Пьют они только, когда свободны, при случае... Ибо им нужна *mens sana in corpore sano* (в здоровом теле – здоровый дух).

И т. д. Таковы воспитанные... Чтобы воспитаться и не стоять ниже уровня среды, в которую попал, недостаточно вы зубрить монолог из “Фауста”. Недостаточно сесть на извозчика и поехать на Якиманку, чтобы через неделю удрать

оттуда... Тут нужны непрерывный дневной и ночной труд, вечное чтение, штудировка, воля... Тут дорог каждый час» [Чехов, 1970, т. 11, с. 83–84].

Если выписать самое главное из приведённого морального кодекса, то выйдет следующее: 1) будь снисходителен; 2) будь сострадателен; 3) возвращай деньги; 4) будь чистосердечен; 5) не рассчитывай на сочувствие и помощь; 6) уважай свой талант; 7) будь чистоплотен. Если сравнить второй пункт с пятым, то выйдет противоречие между требованиями к себе и к другим: будь по отношению к другим сострадателен, а от других сострадания не жди. Почему? Не дождешься!

А. П. Чехов изложил свой моральный кодекс пьющему брату в 26 лет. Некоторые пункты этого кодекса отразились в какой-то мере на его внешности. И. А. Бунин нарисовал два портрета А. П. Чехова – в 35 лет и в 39.

Вот эти портреты: «В Москве, в девяносто пятом году, я увидел человека средних лет, в пенсне, одетого просто и приятно, довольно высокого, очень стройного и очень лёгкого в движениях. Встретил он меня приветливо, но так просто, что я, – тогда ещё юноша, не привыкший к такому тону при первых встречах, – принял эту простоту за холодность. В Ялте я нашёл его сильно изменившимся: он похудел, потемнел в лице; во всём его облике по-прежнему сквозило присущее ему изящество, – однако, это было изящество уже не молодого, а много пережившего и ещё более облагороженного пережитым человеком. И голос его звучал уже мягче... Но, в общем, он был почти тот же, что в Москве: приветлив, но сдержан, говорил довольно оживлённо, но ещё более просто и кратко, и во время разговора всё думал о чём-то своём, предоставляя собеседнику самому улавливать переходы в скрытом течении своих мыслей, и всё глядел на море сквозь стекла пенсне, слегка приподняв лицо» [Бунин, 1967, с. 182].

А. П. Чехова любили, но при этом его нередко воспринимали как ломовую лошадь, на которую даже его родные взваливали непосильную ношу домашних забот. Он нёс эту ношу со времён своего студенчества и до конца своей жизни. Ему приходилось заботиться чуть ли не о всей его семье, включая родителей –

Павла Егоровича и Евгению Яковлевну, младшую сестру Марию и братьев – старших – Александра и Николая и младших – Ивана и Михаила.

Свою семейную ношу А. П. Чехов нёс не по долгу, а из любви. Так, о родителях он писал: «Отец и мать – единственные для меня люди на всём земном шаре, для которых я ничего никогда не пожалею. Если я буду высоко стоять, то это дело их рук, славные они люди, и одно их детолюбие ставит их выше всех похвал, закрывая собой все их недостатки» [Там же. С. 173].

А. П. Чехов женился на Ольге Леонардовне Книппер за три года до его смерти. Она была на восемь лет его младше. Виделись они редко. Он жил в Ялте, а она – в Москве. О характере их отношений можно судить по их переписке.

Приведу здесь выдержку только из одного письма А. П. Чехова к жене от 29 октября 1901 г.: «Милая, славная, добрая, умная жена моя, светик мой, здравствуй! Я в Ялте, сижу у себя, и мне так странно!.. Дуся моя, ангел, собака моя, голубчик, умоляю тебя, верь, что я тебя люблю, глубоко люблю; не забывай же меня, пиши и думай обо мне почаще. Что бы ни случилось, хотя бы ты вдруг превратилась в старуху, я всё-таки любил бы тебя – за твою душу, за нрав. Пиши мне, песик мой! Береги своё здоровье. Если заболеешь, не дай бог, то бросай всё и приезжай в Ялту, я здесь буду ухаживать за тобой. Не утомляйся, деточка... Господь тебя благословит. Не забывай меня, ведь я твой муж. Целую крепко, крепко, обнимаю и опять целую. Постель кажется мне одинокой, точно я скупой холостяк, злой и старый» (<http://chegov.niv.ru/chegov/bio/pisma-knipper.htm>).

Уже по одному этому письму видно, как тосковал её автор по любви. Он тосковал по ней с юности, но он тосковал не только по любви. Он тосковал ещё и по порядочности. Окружающие люди его ею не баловали. Об этом свидетельствуют уже его ранние рассказы. Они вошли в сборник «Пёстрые рассказы» (1886).

С непорядочностью мы встречаемся чуть ли не на каждом шагу, но не перестаём ей удивляться. Видно, велика сила её воздействия на порядочного человека! Видно, никак он не может привыкнуть к её обыденности! Но особенно

неожиданными для него оказываются ситуации, где непорядочность – плод порядочности. Последняя в таких ситуациях превращается в свою противоположность. С такой «порядочностью» молодой А. П. Чехов боролся своим юмором. Он её пародировал. Возьмём, например, его рассказ «Смерть чиновника».

Главный герой этого рассказа экзекутор Червяков – вполне порядочный человек. Так уж получилось, что он чихнул в театре на лысину генерала Брижжалова. Он ненарочно чихнул! Вот почему он сразу же, ещё в театре, извинился перед генералом. Тот вполне благодушно принял извинение. Но Червяков оказался чересчур порядочным. Он устроил целый каскад новых извинений уже за пределами театра. На пятый раз душа генерала не выдержала. Он рывкнул: «Пошёл вон!!».

«В животе у Червякова что-то оторвалось. Ничего не видя, ничего не слыша, он попятился к двери, вышел на улицу и поплёлся... Придя машинально домой, не снимая мундира, он лёг на диван и... помер» [Чехов, 1970, т. 1, с. 34].

Способность к извинению – вполне добропорядочное качество человека – А. П. Чехов превратил в рассказе «Смерть чиновника» в его пародию, поскольку оно вылилось в надоедливую назойливость.

Пародия на стремление к известности изображена у А. П. Чехова в рассказе «Радость». В нём идёт речь о Мите Кулдарове – простодушном молодом человеке, который принёс своим родителем радостную весть: о нём написали в газете. Следовательно, отныне о нём узнает вся Россия. Он восклицает: «Ведь теперь меня знает вся Россия! Вся! Раньше только вы одни знали, что на этом свете существует коллежский регистратор Дмитрий Кулдаров, а теперь вся Россия знает об этом!» [Там же. С. 8].

О чём же теперь узнала вся Россия? В газете, оказывается, пропечатана очень неприглядная история, произошедшая с пьяным Митей. Он упал под лошадь, которая так испугалась, что стремглав помчалась по улице вместе с находившимся в санях второй гильдии московским купцом Степаном Луковым. Слава богу, её задержали дворники.

Пародия на стремление к счастью изображена у А. П. Чехова в рассказе «Загадочная натура». Его главная героиня – некая хорошенькая дамочка. У неё одна, но пламенная страсть: стать счастливой. Для этого она... что вы думаете? Не угадали. Она вышла замуж за богатого старика. Слава богу, дождалась, когда он умер. Вот теперь, казалось бы, и пришло время для её счастья. Не тут-то было! На очереди новый богатый старик, за которого она собралась выходить замуж.

После «Пёстрых рассказов» перед нами возникает новый – зрелый – А. П. Чехов. Он подступает к вопросу о смысле человеческой жизни. В размышлениях об этом вопросе не обойтись без Экклезиаста – главного певца бессмысленности жизни.

В 1988 г. появился рассказ А. П. Чехова «Огни». Ниспровергателем мифа о тщете жизни в этом рассказе оказался инженер Ананьев. Своему оппоненту, студенту Штенбергу, он говорит: «Все эти мысли о бренности и ничтожестве, о бесцельности жизни, о неизбежности смерти, о загробных потёмках и проч., все эти высокие мысли, говорю я, душа моя, хороши и естественны в старости, когда они являются продуктом долгой внутренней работы, выстраданы и в самом деле составляют умственное богатство; для молодого же мозга, который едва только начинает самостоятельную жизнь, они просто несчастье! Несчастье!» [Чехов, 1970, т. 5, с. 476].

Почему несчастье? А вот почему: «Кто знает, что жизнь бесцельна и смерть неизбежна, тот очень равнодушен к борьбе с природой и к понятию о грехе: борись или не борись – всё равно умрёшь и сгниёшь...» [Там же. С. 484].

Совершенно справедливо! Рассказ, между тем, оканчивается в экклезиастическом духе: «Ничего не разберёшь на этом свете!» [Там же. С. 509]. В таком же духе мыслил и студент, который в начале рассказа произносит такую речь: «Когда-то на этом свете жили филистимляне и амалекитяне, вели войны, играли роль, а теперь их и след простыл. Так и с нами будет. Теперь мы строим железную дорогу, стоим вот и философствуем, а пройдут тысячи две лет, и от

этой насыпи и от всех этих людей, которые теперь спят после тяжёлого труда, не останется и пыли. В сущности, это ужасно!» [Там же. С. 475].

В молодости пытался так же думать и Ананьев, пытаясь Экклезиастом прикрыть своё постыдное бегство от неожиданной любовницы Кисочки: «Меня мучила совесть. Чтобы заглушить это невыносимое чувство, я уверял себя, что всё вздор и суета, что я и Кисочка умрём и сгниём, что её горе ничто в сравнении со смертью, и так далее и так далее...» [Там же. С. 503].

Но зрелый Ананьев провозгласил: «К чему, спрашивается, нам ломать головы, изобретать, возвышаться над шаблоном, жалеть рабочих, красть или не красть, если мы знаем, что эта дорога через две тысячи лет обратится в пыль? И так далее, и так далее... Согласитесь, что при таком несчастном способе мышления невозможен никакой прогресс, ни науки, ни искусства, ни само мышление» [Там же. С. 480].

Есть желающие с этим поспорить?

В 1891 г. вышла в свет повесть А. П. Чехова «Дуэль». В ней изображены два главных героя – Иван Лаевский и фон Корен. Последний некогда был дружен с первым, но со временем его возненавидел. За что?

Фон Корен – зоолог. А. П. Чехов показывает на его примере проникновение в русскую культуру идей социал-дарвинизма. Как его представитель, фон Корен называет Лаевского несложным организмом, вырожденцем, макакой и т. д. Он твёрдо намерен убить Лаевского на дуэли для того, чтобы тот не породил себе подобных.

«Вредоносность его, – говорит фон Корен о Лаевском, – заключается, прежде всего, в том, что он имеет успех у женщин и таким образом угрожает иметь потомство, то есть подарить миру дюжину Лаевских, таких же хилых и извращённых, как он сам» [Чехов, 1970, т. 4, с. 397].

Фон Корен, как видим, озабочен очищением человечества от неполноценных. Со злой иронией он говорит о Лаевском: «На первых же порах он поразил меня своею необыкновенною лживостью, от которой меня просто тошнило. В качестве друга я журил его, зачем он много пьёт, зачем живёт не по средствам и

делает долги, зачем ничего не делает и не читает, зачем он так мало культурен и мало знает – и в ответ на все мои вопросы он горько улыбался, вздыхал и говорил: "Я неудачник, лишний человек", или: "Что вы хотите, батенька, от нас, осколков крепостничества?", или: "Мы вырождаемся..." Или начинал нести длинную галиматью об Онегине, Печорине, байроновском Каине, Базарове, про которых говорил: "Это наши отцы по плоти и духу". Понимайте так, мол, что не он виноват в том, что казённые пакеты по неделям лежат не распечатанными и что сам он пьёт и других спаивает, а виноваты в этом Онегин, Печорин и Тургенев, выдумавший неудачника и лишнего человека» [Там же. С. 393].

Между тем Иван Андреевич Лаевский и в самом деле «лишний». Он пополнил галерею тех героев русской литературы, которых я называю неприкаянными. Он влился в компанию с пушкинским Онегиным, лермонтовским Печориным, гоголевским Тентетниковым, герценовским Бельтовым, гончаровским Обломовым, тургеневским Рудиным и т. п. (см. подр. мою статью «Неприкаянный человек в русской классической литературе» в книге «Культурно-эволюционный подход в филологии»).

Другой неприкаянный изображён у А. П. Чехова в драме «Иванов» (1887). Её одноимённый герой вопиет: «Я умираю от стыда при мысли, что я здоровый, сильный человек, обратился не то в Гамлета, не то в Манфреда, не то в лишние люди... Нехороший, жалкий и ничтожный я человек... Надорвался я! В тридцать лет уже похмелье, я стар, я уже надел халат. С тяжёлою головой, с ленивою душой, утомлённый, надорванный, надломленный, без веры, без любви, без цели, как тень, слоняюсь я среди людей и не знаю: кто я, зачем живу, чего хочу?» [Чехов, 1970, т. 7, с. 42; 56; 76].

Через десять лет Иванов возродился в дяде Ване Войницком. В полном отчаянии он восклицает: «Пропала жизнь! Я талантлив, умён, смел... Если бы я жил нормально, то из меня мог бы выйти Шопенгауэр, Достоевский... Я зарпортовался! Я с ума схожу... Матушка, я в отчаянии!» [Там же. С. 233].

Чем же заканчивается история с дядей Ваней? После неудачного покушения на жизнь Серебрякова он снова превращает себя в его раба. Жалкий человек!

Но в жалком положении остались в «Дяде Ване» и другие герои – Астров, Елена Андреевна, Соня.

Платонов, Иванов, Войницкий, Лаевский и др. – интеллигенты, но у А. П. Чехова в его рассказах есть неприкаянные и из социальных низов («Он понял», «Егерь», «Рано», «Свирель», «Мечты», «Счастье» и др.). У Г. П. Бердникова читаем: «Так возникает в творчестве Чехова вереница людей неприкаянных, людей, выломившихся из деревенской жизни, людей непоседливых, мечтательных, нередко наделённых поэтическим, артистическим складом души» [Бердников, 1997, с. 172–173].

По числу неприкаянных А. П. Чехов превзошёл в своих произведениях всех своих предшественников.

ПОЛИТИКА

В области политики А. П. Чехов тосковал по социальной справедливости. Категория справедливости с особой остротой переживается социальными низами. Сознание недалёкого прошлого его предков продолжало очень долго висеть у него над душой. Его дед Егор Михайлович Чех был крепостным крестьянином отца сподвижника Л. Н. Толстого – В. Г. Черткова. До шестнадцати лет был крепостным и отец А. П. Чехова, пока в 1841 г. Егор Михайлович не выкупил волю себе и своей семье за 3,5 тысячи рублей.

А. П. Чехову приходилось по каплям выдавливать из себя раба. В 1889 г. он предложил А. С. Суворину написать рассказ о том, «как молодой человек, сын крепостного, бывший лавочник, певчий, гимназист и студент, воспитанный на чинопочитании, целовании поповских рук, поклонении чужим мыслям, благодаривший за каждый кусок хлеба, много раз сечённый, ходивший по урокам без калош, дравшийся, мучивший животных, любивший обедать у богатых родственников, лицемеривший и богу и людям без всякой надобности, только из сознания своего ничтожества, – напишите, как этот молодой человек выдавливает из себя по каплям раба и как он, проснувшись в одно прекрасное утро,

чувствует, что в его жилах течёт уже не рабская кровь, а настоящая человеческая» [Бердников, 1997, с. 53–54].

А. П. Чехов ненавидел раболепие во всех его формах.

Со школьной скамьи нам известен чеховский рассказ «Хамелеон». Его главный герой – полицейский надзиратель Очумелов. Как хамелеон, он меняет своё отношение к ситуации, произошедшей с Хрюкиным, у которого собака укусила палец. Сначала Очумелов поверил Хрюкину, что собака бродячая и пригрозил показать её хозяину Кузькину мать. Но вдруг из толпы раздаётся голос о предполагаемом хозяине: «Это, кажись, генерала Жигалова» [Чехов, 1970, т. 1, с. 134].

Очумелов запел другую песню: «Одного только я не понимаю: как она могла тебя укусить?.. Нечто она достанет до пальца? Она маленькая, а ты ведь вон какой здоровила» [Там же].

Очумелову придётся разыграть ещё три метаморфозы, пока, наконец, не выясняется, что хозяин собаки – брат генерала Жигалова. В конце рассказа он исходит на нет от своего раболепия перед властью имущими. Он говорит повару генерала: «Ишь ты, господи... Соскучились по братце... А я ведь не знал! Так это ихняя собачка? Очень рад... Возьми её... Собачонка ничего себе... Шустрая такая... Цац этого за палец! Ха-ха-ха» [Там же. С. 136].

В рассказе «Толстый и тонкий» происходит только одна метаморфоза – с тонким Порфирием. Он встретился через много лет с гимназическим приятелем толстым Михаилом. Вначале всё было, как и полагается: радость встречи, объятие и поцелуи, но как только тонкий узнал, что толстый дослужился до тайного советника, тонкого будто подменили: «Толстый хотел было возразить что-то, но на лице у тонкого было написано столько благоговения, сладости и почтительной кислоты, что тайного советника стошнило. Он отвернулся от тонкого и подал ему на прощанье руку» [Там же. С. 52].

В рассказе «Маска» – новая метаморфоза. Но здесь она коллективная. Целый коллектив интеллигентов радикально меняет своё возмущённое отношение

к самодуру в маске на раболепное умиление, как только узнают в нём местного благодетеля – миллионера Пятигорова.

А. П. Чехову досталось время, когда капитализм в России демонстрировал социальную несправедливость в своей дикой, кричащей форме. В рассказе «Случай из практики» (1898) читаем: «Тысячи полторы–две фабричных работают без отдыха, в нездоровой обстановке, делая плохой ситец, живут впроголодь и только изредка в кабаке отрезвляются от этого кошмара; сотня людей надзирает за работой, и вся жизнь этой сотни уходит на записывание штрафов, на брань, несправедливости, и только двое–трое, так называемые хозяева, пользуются выгодой, хотя совсем не работают и презирают плохой ситец» [Чехов, 1970, т. 6, с. 317].

Вот ещё одна картинка на эту же, обличительную, тему – из рассказа «Крыжовник» (1898): «Вы взгляните на эту жизнь: наглость и праздность сильных, невежество и скотоподобие слабых, кругом бедность невозможная, теснота, вырождение, пьянство, лицемерие, вранье... Между тем во всех домах и на улицах тишина, спокойствие; из пятидесяти тысяч, живущих в городе, ни одного, который бы вскрикнул, громко возмутился... Всё тихо, спокойно, и протестует одна только немая статистика: столько-то с ума сошло, столько-то вёдер выпито, столько-то детей погибло от недоедания...» [Там же. С. 279].

А. П. Чехов не был революционером, но отсюда не следует, что он не думал о путях, ведущих к справедливому общественному строю. В 1995 г. он опубликовал рассказ «Дом с мезонином». Этот рассказ заслуживает особого внимания, поскольку по нему видно, с каким трудом наша интеллигенция осваивала в то время идею социального прогресса. В нём выведен спор между живописцем, от лица которого ведётся повествование, и молодой сельской учительницей – Лидией Волчаниновой.

В отличие от живописца, ведущего по преимуществу праздный образ жизни, Лидия с увлечением занимается просветительством, борется с произволом земского начальства и оказывает односельчанам посильную медицинскую по-

мощь. Живописец не принимает её деятельности. Между тем в его речах обнаруживаются явные культурогенические мотивы.

Вот как живописец обрисовывает перед Лидией свою позицию: «Нужно освободить людей от тяжкого физического труда. Нужно облегчить их ярмо, дать им передышку, чтобы они не всю свою жизнь проводили у печей, корыт и в поле, но имели бы также время подумать о душе, о боге, могли бы пошире проявить свои духовные способности. Призвание всякого человека в духовной деятельности – в постоянном искании правды и смысла жизни. Сделайте же для них ненужным грубый животный труд, дайте им почувствовать себя на свободе, и тогда увидите, какая, в сущности, насмешка эти книжки и аптечки. Раз человек сознаёт своё истинное призвание, то удовлетворять его могут только религия, науки, искусства, а не эти пустяки» [Там же. С. 98].

Живописец, как видим, вовсе не против распространения культуры среди народа (правда, он делает упор лишь на духовную культуру), но почему же он против книжек и аптечек, которые Лидия распространяет среди крестьян? Разве они не привносят в их жизнь элементов культуры? Ответ на этот вопрос очень прост: по сути своей спор между живописцем и учительницей в анализируемом рассказе должен быть расценён как мнимый и надуманный.

Оба спорщика занимают культурогеническую позицию. Следовательно, они стоят на одной и той же мировоззренческой платформе. Всё дело лишь в том, что пути к развитию культуры они видят по-разному. Если Лидия стоит на земле, то живописец витает в облаках утопических мечтаний, но на этом его культурогенизм и заканчивается.

Чуть ли не в духе социалистов-утопистов живописец так отвечает Лидии на вопрос о том, возможно ли избавление от тяжёлого физического труда: «Да. Возьмите на себя долю их труда. Если бы все мы, городские и деревенские жители, все без исключения, согласились поделить между собою труд, который затрачивается вообще человечеством на удовлетворение физических потребностей, то на каждого из нас, быть может, пришлось бы не более двух-трёх часов в день. Представьте, что все мы, богатые и бедные, работаем только три часа в

день, а остальное время у нас свободно. Представьте ещё, что мы, чтобы ещё менее зависеть от своего тела и менее трудиться, изобретаем машины, заменяющие труд, мы стараемся сократить число наших потребностей до минимума. Мы закаляем себя, наших детей, чтобы они не боялись голода, холода и мы не дрожали бы постоянно за их здоровье, как дрожат Анна, Мавра и Пелагея. Представьте, что мы не лечимся, не держим аптек, табачных фабрик, винокуренных заводов, – сколько свободного времени у нас остаётся, в конце концов! Все мы сообща отдаём этот досуг наукам и искусствам. Как иногда мужики миром починяют дорогу, так и все мы сообща, миром, искали бы правды и смысла жизни, и – я уверен в этом – правда была бы открыта очень скоро, человек избавился бы от этого постоянного мучительного, угнетающего страха смерти, и даже от самой смерти» [Там же].

Очень заманчиво, но утопично даже и для будущих мечтателей. Однако дело, в конечном счёте, не в этом, а в том, что герои «Дома с мезонином» ищут пути к эволюционному, культурогеническому переустройству общества, однако осознание путей к нему у них ещё не отличается особой ясностью.

ЯЗЫК

В области языка А. П. Чехов тосковал по единению с людьми. Категорию единения он чувствовал особенно остро, поскольку ощущал себя духовно одиноким. Между тем своё одиночество, как мне кажется, он преувеличивал.

А. П. Чеховым восхищались Л. Н. Толстой и В. Г. Короленко, И. А. Бунин, А. М. Горький и мн. др. Кроме того, он явно недооценивал единение с ним миллионов его читателей, когда заявлял, что после смерти о нём быстро забудут.

А. П. Чехова боготворил К. И. Чуковский. Он вспоминал: «Даже в лаконизме его творчества, в этих стальных конструкциях, которые делают короткий рассказ динамичнее иного романа, в его власти над словом, в том, как смело и победоносно распоряжался он своим материалом, я уже в те ранние годы ощущал мускулатуру гиганта» [Чуковский, 1967, с. 594].

Славе А. П. Чехова способствовало отточенное языковое изящество его произведений. Это изящество – плод не только его таланта, но и кропотливейшей работы над словом. Об этом свидетельствуют его высказывания о языке, которые помещены в двух хрестоматиях с одноимённым названием – «Русские писатели о языке», изданных в Ленинграде в 1954 г.:

1. Дело в том, что я занят, занят по горло: пишу и зачёркиваю, пишу и зачёркиваю. *Из письма к Е. М. Шавровой.*

2. Краткость – сестра таланта. *Из письма к Ал. П. Чехову.*

3. Но самое главное: по возможности бди, блюда и пыхти, по пяти раз переписывая, сокращая и проч., помятуй, что весь Питер следит за работой братьев Чеховых. *Из письма к Ал. П. Чехову.*

4. Берегись изысканного языка. Язык должен быть прост и изящен. Лакеи должны говорить просто, без *пуцай* и без *теперича*. *Из письма к Ал. П. Чехову.*

5. Описания природы художественны; вы настоящий пейзажист. Только частое уподобление человеку (антропоморфизм), когда *море дышит, небо глядит, степь нежится, говорит, грустит* и т. п., – такие уподобления делают описания несколько однотонными, иногда слащавыми, иногда неясными; красочность и выразительность в описаниях природы достигаются только простотой, такими простыми фразами, как *зашло солнце, стало темно, пошёл дождь* и т. д., – и эта простота свойственна вам в сильной степени, как редко кому из беллетристов. *Из письма к А. М. Горькому.*

6. Вы не работаете над фразой; её надо делать – в этом искусство. Надо выбрасывать лишнее, очищать фразу от «по мере того», «при помощи», надо заботиться об её музыкальности и не допускать в одной фразе почти рядом «стала» и «перестала». *Из письма к Л. А. Авиловой.*

7. Какая гадость чиновничий язык! *Исходя из того положения... с одной стороны... с другой же стороны* – и всё это без всякой надобности. «Тем не менее» и «по мере того» чиновники сочинили. Я читаю и отплёвываюсь. Особенно паршиво пишет молодёжь. Неясно, холодно и неизящно; пишет, сукин сын, точно холодный в гробу лежит. *Из письма к А. С. Суворину.*

Категориальность, красочность, изящность, краткость, точность, простота, интонационная выразительность – вот главные черты чеховской прозы. Приведу для подтверждения несколько строчек из рассказа А. П. Чехова «Студент»:

«...И теперь, пожимаясь от холода, студент думал о том, что точно такой же ветер дул и при Рюрике, и при Иоанне Грозном, и при Петре, и что при них была точно такая же лютая бедность, голод, такие же дырявые соломенные крыши, невежество, тоска, такая же пустыня кругом, мрак, чувство гнёта, – все эти ужасы были, есть и будут, и оттого, что пройдёт ещё тысяча лет, жизнь не станет лучше. И ему не хотелось домой» [Чехов, 1970, т. 5, с. 342–343].

Между прочим, А. П. Чехов относил рассказ, который я только что процитировал, к самым своим любимым. И. А. Бунин вспоминал:

«Он работал почти 25 лет, и сколько плоских и грубых упреков выслушал он за это время! Один из самых величайших и деликатнейших русских поэтов, он никогда не говорил языком проповедника. А можно ли при этом рассчитывать на понимание и благосклонность критики в России? Ведь требовали же от Левитана, чтобы он "оживил" пейзаж... подрисовал коровку, гусей или женскую фигуру! И, конечно, не сладко было Чехову иметь таких критиков, и много горечи они влили в его душу, и без того отравленную русской жизнью. И горечь эта сказывалась, но опять-таки только *сказывалась*.

– Да, Антон Павлович, вот скоро и юбилей ваш будем праздновать!

– Знаю-с я эти юбилеи. Бранят человека двадцать пять лет на все корки, а потом дарят гусиное перо из алюминия и целый день несут над ним, со слезами и поцелуями, восторженную ахинею!

И чаще всего на разговоры о его славе и о том, что о нём пишут, он отвечал именно так – двумя–тремя словами или шуткой.

– Читали, Антон Павлович? – скажешь ему, увидав где-нибудь статью о нём.

А он только покосится поверх пенсне и, вытянув лицо, ответит своим грудным басом:

– Покорно вас благодарю! Напишут о ком-нибудь тысячу строк, а внизу прибавят: "а то вот ещё есть писатель Чехов: нытик..." А какой я нытик? Какой я "хмурый человек", какая я "холодная кровь", как называют меня критики? Какой я "пессимист"? Ведь из моих вещей самый любимый мой рассказ – "Студент"... И слово-то противное: "пессимист"... Нет, критики ещё хуже, чем актёры. А ведь, знаете, актёры на целых семьдесят пять лет отстали в развитии от русского общества» [Бунин, 1967, с. 177].

Чтобы в очень малой степени подтвердить только что приведённые слова А. П. Чехова о критиках, я приведу отрывок из рецензии Ф. Змиева на чеховские «Пёстрые рассказы»: «Такие рассказы, например, как «Разговор с собакой», «Егерь», «Сонная одурь», «Кухарка женится», «Репетитор», «Надлежащие меры» и многие другие, – похожи скорее на полубред какой-то или болтовню ради болтовни об ужасном вздоре, нежели на мало-мальски отчётливое наложение осмысленной фабулы» [Чуковский, 1967, с. 592].

Ай, Моська, знать она сильна, что лает на слона!

Подобная дребедень не могла не ранить сердце писателя. Она загоняла его в категориальную тоску. От своего одиночества он спасался разными способами – титаническим писательским трудом, перепиской (сохранилось 4,5 тысячи его писем), многолюдством в доме и др.

По поводу многолюдства в чеховском доме К. И. Чуковский писал: «Он был гостеприимен, как магнат. Хлебосольство у него доходило до страсти. Стоило ему поселиться в деревне, и он тотчас же приглашал к себе кучу гостей. Многим это могло показаться безумием: человек только что выбился из многолетней нужды, ему приходится таким тяжким трудом содержать всю семью – и мать, и брата, и сестру, и отца, у него нет ни гроша на завтрашний день, а он весь свой дом, сверху донизу, набивает гостями, и кормит их, и развлекает, и лечит!.. Страстная любовь к многолюдству сохранилась у Чехова до конца его дней. Уже в последней стадии чахотки, когда, "полуразрушенный, полужилец могилы", он приехал на короткое время в Москву, к нему на квартиру стало стекаться так много народу, что с утра до ночи у него не было минуты сво-

бодной. “У него непременно в течение дня кто-нибудь бывал”, – вспоминает Вл. Ив. Немирович-Данченко и тут же отмечает невероятную странность: “Это его почти не утомляло, во всяком случае, он охотно мирился со своим утомлением”» [Там же. С. 7; 10].

Одиночество страшило А. П. Чехова. О своём гостеприимстве он писал: «Я положительно не могу жить без гостей. Когда я один, то мне почему-то делается страшно» [Ермилов, 1949, с. 2173].

Не всегда спасало А. П. Чехова от одиночества и его писательство. В том самом 1888 г., когда им был написан рассказ «Огни», где речь идёт о смысле жизни, его автор с мучительной остротой впервые пережил тоску по настоящим людям. «Бывают минуты, – признался он А. С. Суворину в конце этого года, – когда я положительно падаю духом. Для кого и для чего я пишу? Для публики?.. Она необразованна, дурно воспитана, а её лучшие элементы не добросовестны и не искренни по отношению к нам. Нужен я этой публике или не нужен, понять я не могу» [Там же. С. 175].

Как Диоген Синопский, А. П. Чехов искал Человека. Когда ему встречался человек, заслуживающий уважения, он был рад-радёшенек. В его записной книжке есть такая строчка: «Какое наслаждение – уважать человека» [Там же. С. 425].

Наслаждение от уважения А. П. Чехов испытывал по отношению к людям подвига. Перед поездкой на Сахалин он писал А. С. Суворину: «Вы пишете, что Сахалин никому не нужен и ни для кого не интересен. Будто бы это верно?.. Не дальше, как 25–30 лет назад, наши же русские люди, исследуя Сахалин, совершали изумительные подвиги, за которые можно боготворить человека, а нам это не нужно, мы не знаем, что это за люди, и только сидим в четырёх стенах и жалуемся на то, что бог дурно создал человека» [Там же. С. 225].

Хороших людей А. П. Чехов воспринимал как подарок судьбы. Таких людей он встречал в Сибири во время поездки на Сахалин. С восторгом он писал оттуда сестре: «Боже мой, как богата Россия хорошими людьми!» [Там же. С. 232].

Разные способы общения, вместе с тем, не могли уничтожить в А. П. Чехове чувства одиночества. Этим чувством он наделил и некоторых своих героев. Так, в «Палате № 6» доктор Рагин говорит о своём пациенте Громе: «Какой приятный молодой человек! За всё время, пока я тут живу, это, кажется, первый, с которым можно поговорить. Он умеет рассуждать и интересуется именно тем, чем нужно» [Чехов, 1970, т. 5, с. 132].

В «Дяде Ване» Астров говорит Войницкому: «Те, которые будут жить через сто, двести лет после нас и которые будут презирать нас за то, что мы прожили свои жизни так глупо и так безвкусно, – те, быть может, найдут средство, как быть счастливыми, а мы... У нас с тобою только одна надежда и есть. Надежда, что когда мы будем почивать в своих гробах, то нас посетят видения, быть может, даже приятные. (Вздыхнув.) Да, брат. Во всём уезде было только два порядочных, интеллигентных человека: я да ты. Но в какие-нибудь десять лет жизнь обывательская, жизнь презренная затянула нас; она своими гнилыми испарениями отравила нашу кровь, и мы стали такими же пошляками, как все» [Чехов, 1970, т. 7, с. 238].

Последними словами Антона Чехова были: «Давно я не пил шампанского». Много воды утекло со дня его смерти. Уменьшилось ли за это время число людей, вгоняющих нас в категориальную тоску?

Нет мне ответа. Некому отвечать. Как я в гробу буду лежать один, так я, в сущности, и живу один.

Библиографический список

1. Бердников Г. П. А. П. Чехов [Текст] / Г. П. Бердников. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. 640 с.
2. Бунин И. А. Собрание сочинений в девяти томах. Т. 9 [Текст] / И. А. Бунин. – М.: Художественная литература, 1967. 623 с.
3. Горький М. Собрание сочинений в 16 томах. Т. 16 [Текст] / А. М. Горький. – М.: Правда, 1979. С. 368

4. *Ермилов В.* Антон Павлович Чехов. 1860–1904 [Текст] / В. Ермилов. – М.: Молодая гвардия, 1949. 440 с.
5. *Чехов А. П.* Собрание сочинений в 8-ми томах. Т. 4 / А. П. Чехов. – М.: «Огонёк», «Правда», 1970.
6. *Чуковский К. И.* Собрание сочинений в шести томах. Т. 5 [Текст] / К. И. Чуковский. – М.: Художественная литература, 1967. 800 с.